КОМПЕТЕНТНАЯ КРИТИКА ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Критическое отношение к буржуазным теориям, всегда служившее одним из оснований для самоутверждения и развития советской науки, в современных условиях определяется рядом принципов, следование которым может сделать эффективной идейную борьбу с антикоммунизмом. Современная буржуазная социология, претендующая на классовую «нейтральность» своих методологических основ, является той сферой, где апологетика успела вытеснить научную объективность с тем, чтобы в интерпретации социальных явлений прибегнуть к чудовищным фальсификациям. Это тем более характерно для эмпирической социологии, получившей после второй мировой войны чрезвычайно широкое распространение за рубежом. Естественно, что наша критика, опираясь на марксизм-ленинизм, должна не только разоблачать классовую направленность буржуазной социологии, но, используя аргументы из буржуазных публикаций, вскрывать порочность теоретических основ этой социологии, ее бесперспективность познания общества. Такая критика тем более актуальна на фоне расширяющихся в рамках социалистических стран марксистских конкретно-социологических исследований. Преданные забвению в конце 20-х гг. они вновь вызывают к себе интерес, хотя прошедшие десять лет[1] не многое дали в этой области. Здесь «делаются лишь первые шаги»[2], и удержание положительного в критическом отрицании эмпирической социологии неразделимо от критики вообще. Актуальность работы С. Д. Аллахвердян о некоторых теоретических сторонах неопозитивизма[3] кажется поэтому несомненной.

Эта работа подготавливалась в период, когда задачи научной критики стали самоочевидными, но критические публикации ограничивались рядом статей в журналах, переводами с иностранного и двумя брошюрами[4]; широко известные теперь издания, значительно облегчающие критический анализ буржуазной социологии, особенно эмпирической, появились позднее[5]. Эти обстоятельства предопределили самостоятельность и оригинальность исследования С. Д. Аллахвердян.

Структура исследования С. Д. Аллахвердян вполне логично подчинена задаче выявить сущность неопозитивистской социологии и дать оценку ее действительному содержанию. Первая глава работы знакомит читателя с предпосылками социологического эмпиризма в историческом аспекте; вторая—целиком посвящена принципам, характеризующим методологические основы неопозитивизма; третья, сквозь призму основных категорий и понятий неопозитивистской социологии, показывает научную и теоретическую беспомощность в проникновении в тайну тех социальных образований, которые эта социология пытается исследовать.

---

[1] Впервые за послевоенный период вопрос о целесообразности конкретно-социологических исследований ставился в 1956 г. Ю. А. Арбатовым. См. «Вопросы философии», № 5, 1956, стр. 210 и сл.

[2] См. «Социология в СССР», т. I, «Мысль», 1965, стр. 5.

[3] С. Д. Аллахвердян, Неопозитивизм в современной социологии, изд-во АН Арм. ССР, Ереван, 1964, стр. 100.

[4] Дж. Л. Морено, Социометрия, пер. с англ., ИЛ, 1958; М. Ш. Бахитов, Об одной «новейшей» социальной утопии, Госполитиздат, 1958; Г. Беккер и др., Современная социологическая теория, пер. с англ., ИЛ, 1961; Э. В. Кальметьева, Фетишизация числа, изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1962.

[5] Г. М. Андреева, Современная буржуазная эмпирическая социология, «Мысль», 1965; «Социология сегодня», пер. с англ., «Прогресс», 1965; «Математические методы в современной буржуазной социологии», «Мысль», 1966.

Возникновение позитивизма не лишено было логических оснований, и он должен был пройти немалый исторический путь, прежде чем найти себе адептов в лице современных буржуазных социологов, предопределить важнейшие методологические принципы эмпирической социологии.

Минувшее столетие, знавшее немало потрясений в области идеологии, знало между прочим и факты восстания против умозрительных схем старой философии. Идеи О. Конта, «отца позитивизма», оформились как реакция на господство этих схем; к тому же, сами контовские идеи отвечали новым требованиям буржуазии. Но буржуазия успела стать реакционным по характеру классом, и Конт, как буржуазный мыслитель, выступил с позиций этого уже ставшего реакционным класса. Противоположность классовых позиций О. Конта и К. Маркса была решающей в последующем развитии позитивизма. «Социальная физика» Конта, как «единственная наука» об обществе, открещивалась от научного требования проникнуть в сущность изучаемых социальных явлений. С. Д. Аллахвердян правильно отмечает, что у такой теории социальным идеалом могла стать только гармония капиталистического общества.

Как это показано в работе, к концу прошлого столетия позитивизм нашел себе мнимого противника в лице неокантианства, заявлявшего о своем антипозитивизме. Но неокантианство «при всех частных расхождениях, представляло собой логико-методологическое ответвление позитивизма» (стр. 24). Методы, разработанные представителями неокантианства, переносились в социологию вместе с чисто субъективным принципом отбора исследуемых фактов.

Э. Мах, с именем которого автор справедливо связывает наступление второй (после Конта) исторической формы позитивизма, много внимания уделял методологической стороне, но достойным изучения считал лишь непосредственно данное в чувственном опыте субъекта. Немного позднее, предложенный Э. Махом «физический идеализм» уступил место логическому позитивизму, ставшему третьей исторической формой позитивизма. Верифицируемость знания, как принцип, опиралась на чувственный опыт, вычеркивая значение всего лежащего вне пределов реального мира. Было узаконено, таким образом, выхолащивание содержания общественных наук, игнорировалась роль объективных законов истории. «Отказавшись,— говорит автор,— от генерализующего метода как в естественных, так и в социальных науках, неопозитивизм пришел к крайнему эмпиризму в социологии, рассматривая общество как хаотическое скопление отдельных индивидуумов и групп» (стр. 31). США оказались наиболее благоприятной почвой для укрепления неопозитивистской социологии и конец 30-х гг. стал началом бурного роста эмпирического ее направления.

Правда, позитивизм проник в американскую литературу задолго до этого: увлечение идеями Конта наблюдалось еще в 50-х гг. XIX в. благодаря деятельности Г. Эджера. Кроме того, если обратиться к современной нам эпохе, после распада так называемого «Венского кружка» (1936 г.) философия неопозитивизма развивалась в США не только в русле оформившихся в Европе идей. Этому течению сопутствовало «американизированное» ответвление неопозитивизма, которое очевидно сыграло значительную роль в развитии американской мысли. Независимо от этого следует указать, что в книге С. Д. Аллахвердян справедливо подчеркивается, что социология в Америке неизбежно приобретала сугубо прикладной характер, поскольку «практичность и предприимчивость американской буржуазии мало способствовали развитию абстрактного рефлектирующего мышления», но зато буржуазия должна была расценивать эмпирические исследования как «весьма полезное средство для достижения наиболее организованного руководства и подчинения широких масс господствующей экономической политике и идеологии» (стр. 8).

Притягательная сила того или иного направления определяется природой данного класса. Отказ от познания закономерностей, характеризующих социальный процесс, сосредоточение внимания на ограниченных по времени и месту явлениях лишь приблизили социологию к эмпиризму, где утилитарный подход обозначает ценность теории.

Оставаясь на поверхности изучаемых явлений, абсолютизируя чувственную эмпирическую стадию, эмпирически мыслящий исследователь оказывается не в состоянии

отбросить бессодержательные абстракции, абстракции, не охватывающие богатство особенного, индивидуального и отдельного. Более того, он не может подняться от абстрактного к конкретному и дать понятие «о целом, как богатой совокупности», как «о единстве многообразия» (Маркс)

Как это видно из исследования С. Д. Аллахвердян, конкретность для такого социолога — это непосредственная жизненная практика, понимаемая опять-таки ограниченно, как субъективная деятельность, осуществляемая вне материального процесса производства, действия масс. Если добавить к этому, что эмпирическим социологом игнорируется тот большого значения факт, что специфика изучаемого объекта определяет методы науки, то нетрудно представить, как безрезультатны социологические построения, осуществляемые этими социологами по принципу непосредственного подражания естественным или точным наукам.

Вторая глава рецензируемой работы открывается именно с постановки этого вопроса позитивистами, которые в наши дни по-старинке отстаивают тезис о нейтральности материала науки. Если научные системы и принципы — это всего лишь удобные инструменты для упорядочения человеческого опыта, то нетрудно, очевидно, провозгласить и их операционный характер. А если обратиться к реальным вещам, переживающим изменения? Для эмпирического социолога в этом случае логичнее всего отказаться от поиска какой бы то ни было детерминации.

Автор на ярком, превосходно иллюстрирующем этот факт материале показывает, как социологический эмпиризм повсеместно заменяет причинность второстепенными функциональными отношениями (см. стр. 66—67). Показывая, как современная эмпирическая социология пришла к отрицанию причинных и иных закономерных связей в развитии общества, автор отмечает, что за этими последними сохранилось, фактически, лишь символическое значение. Более того, интерпретация их, в качестве конвенциональных, на деле сняла целый ряд других, актуальных для социологического исследования вопросов (например, соотношение необходимого и случайного и др.) при одновременном удержании значения микросоциальных законов (школа Морено).

Вопрос об использовании математического и статистического методов в социологическом анализе — один из основных, рассматриваемых во второй главе работы. Сами эмпирические социологи полагают, что социологию можно будет поднять до уровня современной науки именно благодаря применению и использованию математических методов.

Математический аппарат, или символика — это не только новый язык науки; о возможности и необходимости ее появления говорили еще Маркс и Энгельс[6]. Проблему формализации социологической теории эмпирическая социология нередко сводит к пустой символизации понятий, не раскрывающих отношений и связей, характеризующих явления. Таковы, по характеристике автора, «S-теория» Ст. Доддa или «Self-Concept», теория самопознания Дж. Кинча.

Известно, что статистико-математические методы оказываются бесплодными в количественном анализе, если ему не предшествует качественный анализ. И здесь представляется очень важным то обстоятельство, что С. Д. Аллахвердян выдвигает и подробно рассматривает этот круг вопросов.

С. Д. Аллахвердян обнаруживает строго научный подход к оценке количественных методов, но в некоторых случаях позиции автора, как нам кажется, недостаточно определены или спорны. Так, например, не отрицая познавательных функций математической модели, автор вместе с тем пишет, что математический анализ сам по себе «огрубляет и искажает» социальную действительность (стр. 45), хотя известно, что числовое выражение — это средство, позволяющее из многообразия единичных явлений, затененных массой других, извлечь рассматриваемый объект и представить его как бы в «чистом виде».

Автор склонен полагать, что «сами по себе статистические процессы **никогда** (подч. нами.— Р. Н.) не вскрывают качественной стороны процесса и его закономер-

[6] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 427, 448.

ностей» (стр. 49). Границы применения статистических приемов пока еще дискуссионны в науке, в том числе и советской, но следует заметить, что необходимость статистически обнаруженная, обладает всеми чертами закономерности, почему имеет научно-познавательное и практическое значение. Корифеи марксизма не случайно рассматривали экономико-математические модели (схемы) как предмет статистического, количественного исследования, с помощью которого можно добыть новые знания о социально-экономической действительности.

Недостаточно ясно отношение автора к моделированию в социологическом исследовании. Как метод, моделирование страдает недостатками, во всяком случае, как говорится на стр. 57—58, конструируемая в социологии модель «не может охватить явление во всей его сложности». Но построение модели это — продолжение обычных процессов упрощения и схематизации, облегчающих познание. В абстрактной форме модель выражает некоторые отношения действительности и тем самым выполняет чисто служебную, эвристическую роль. Речь, следовательно, может итти не о полноте охвата изучаемого объекта во всей его сложности, а о воспроизведении действительности посредством знаковой системы. Модель не может не использоваться социологом. Во всяком случае метод познания посредством модели совпадает в некотором отношении с методом восхождения от абстрактного к конкретному, сложному, а это последнее, говоря словами Маркса, «есть, очевидно, правильный в научном отношении метод»[7].

Подозрительное и скептическое отношение к математическим методам анализа, искусственно вызываемое даже среди политэкономов[8], давно успели уступить место более трезвому подходу к проблеме[9]. Но в рамках марксистской социологии пока делаются робкие попытки в этом отношении[10]. Ссылка автора на утверждения проф. П. П. Маслова относительно того, что соответствие модели изучаемым объектам возможно только при отсутствии большого числа препятствующих обстоятельств (стр. 58), не свидетельствует о реалистичности подхода С. Д. Аллахвердян к математическим методам. Да и пессимистическое отношение того же П. П. Маслова к возможностям изучения коллектива или коллективистских образований математическими методами[11] оказалось (как это мы теперь можем заметить) безосновательным благодаря советским же исследованиям[12]. Но мы должны отметить также, что все эти вопросы ждут конкретизации и более четкого решения не только в исследовании С. Д. Аллахвердян, они в большинстве случаев остаются открытыми в самых позднейших изданиях.

Заключительная глава книги знакомит читателя с той хаотической разобщенностью социологической терминологии, которая наглядно демонстрирует порочность теории и методики социологического позитивизма. Автор подвергает подробному аналитическому рассмотрению некоторые, наиболее «отстоявшиеся» понятия этой социологии (группа, классификация групп, внутригрупповые процессы, типы интеграций, коммуникативные и функциональные связи и др.). Сами понятия заслуживают серьезного к ним отношения, поскольку могут подтвердить ценность марксистских понятий категориального значения,

---

[7] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 727.

[8] См., напр., выступление С. Г. Струмилина в сб. «Вопросы статистического измерения связей между явлениями. Корреляционный анализ», Госпланиздат, 1950, стр. 7.

[9] Впервые эта новая тенденция отразилась в кн. «О применении математики в экономических исследованиях и об отношении к эконометрике». Госстатиздат, 1959. См. также И. Г. Блюмен, Критика буржуазной политэкономии, т. 3, изд. АН СССР, 1962, стр. 91 и сл.

[10] Сб. «Количественные методы в социологических исследованиях», Новосибирск, гос. у-т, 1964; Сб. «Социальные исследования», «Наука», 1965; А. И. Афанасьева и др. Коллектив и личность, «Мысль», 1965; О. О. Яхот, Статистика в социологическом исследовании, «Знание», 1966; Сб. «Количественные методы в социологии», «Наука», 1966.

[11] См. «Вопросы философии», № 2, 1962, стр. 77—78.

[12] См., напр., «Социология в СССР», т. 2, «Мысль», 1965, стр. 189—208, 388—425.

незаменимость их в действительно научном анализе социальных явлений. Мы должны, в частности, отметить также, что психологизация отношений, например, в группах и подмена позитивистами социологического анализа психологическим в обрисовке С. Д. Аллахвердян не затеняет некоторых (интересных и для марксистов) сторон этого социального явления, и возникает мысль о возможности раскрыть их на научной, материалистической основе, что могло бы оказаться полезным для изучения коллективистских образований.

Ограниченные масштабы работы не дали автору, очевидно, возможности развернуть критику по каждому из поставленных вопросов. Тем не менее, читатель может почерпнуть интересные сведения о социометрии и социометрических тестах, о социальном статусе, динамике и эволюции групповых процессов, ознакомиться с истолкованием эмпирическими социологами понятия прогресс.

При всем разнообразии и пестроте толкований, которые даются эмпирическими социологами фундаментальным понятиям теории, ясно одно, что современная буржуазная социология предпочитает употреблять «нейтральные», расплывчатые по содержанию понятия, чтобы затушевать действительные процессы, пронизывающие противоречивый характер развития капиталистического общества.

Если говорить о работе в целом, то следует прежде всего подчеркнуть, что С. Д. Аллахвердян удалось в сравнительно небольшой, но компактной и содержательной книге исследовать сущность, формы и характер одного из наиболее распространенных на Западе социологических течений, вскрыть внутренние причины, по которым эмпирическая социология зашла в теоретический и методологический тупик. В серии книг «Против буржуазной идеологии», выпускаемой Издательством АН Арм. ССР, эта работа — одна из наиболее удачных.

Издание хорошо отредактировано. Материал из зарубежной литературы сохраняет свою свежесть для читателя и говорит о превосходной компетентности автора в области зарубежной социологии и критики ее эмпирического направления. Рецензируемая публикация по праву может быть расцениваема как основа для дальнейшей плодотворной работы автора в этой области.

Р. Г. НАВАСАРДЯН